

КВИР-АКТИВИЗМ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Zhanar Sekerbayeva

Queer Activism in Contemporary Kazakhstan

This article is about the author's personal activist and feminist trajectory and deals with three main themes: personal and political activity, double colonization, activism marginalization and the search for solidarity.

Эта статья посвящена активистской и личной траектории Жанар как феминистки, основательницы «Феминиты». В тексте предпринята попытка осмысления этого выбора и актуализация трех основных сюжетов: 1) личное – политическое, 2) двойная колонизация и 3) маргинализация активизма и поиск солидарности.

Когда личное становится политическим

Когда я говорю об активизме в Казахстане, мне задают одни и те же вопросы: «Когда вы стали активисткой?» и «Что привело к этому?». Трудно объяснить, что это не произошло в одночасье и не связано с тем, что я не нашла «нормального» мужчину. Это было подспудное желание реагировать на несправедливость, которую замечала вокруг и для чего я изначально выбрала, как мне казалось тогда, эффективный инструмент – журналистскую профессию. Нежелание мириться с тем, что при тебе бьют того, кто младше и слабее. Нежелание в студенческие годы видеть несправедливое отношение к учащейся молодежи – от академического и административного домогательства до взяток. Журналистика сформировала мою гражданскую позицию. К примеру, я и несколько моих

друзей впервые выразили протест против изменения ставки образовательных кредитов в Казахстане. Мы являлись этими самыми «кредитниками», и нам в один прекрасный день объявили о том, что мы обязаны выплатить государству не зафиксированную в договорах сумму после завершения обучения, а «плавающую», привязанную к курсу доллара США, который на то время поднялся на несколько пунктов. Это означало, что мы переплачивали бы за учебу в два раза больше. Помню, как собирали подписи, просили «кредитников» не мириться с ситуацией, давали комментарии печатным СМИ и даже одному телеканалу. Самое неприятное, что администрация Евразийского Национального университета им. Л.Н. Гумилева в Астане заставляла любимыми методами подписать согласие. Дошло до того, что нас по одной запускали в кабинет проректора по учебной части, где он тихим голосом объяснял, что вести себя так студенткам вуза не полагается и, чтобы избежать позора, мы должны подписать документы. Так я столкнулась с возрастной и статусной дискриминацией, которая является частью патриархатного порядка в Казахстане. Мне как студентке, девушке, указывали, что можно и что нельзя.

Источник: личный архив Жанар Секербасовой

Мой личный второй протест случился в феврале 2014 г. Это был день очередной девальвации в Казахстане, о которой не сообщалось ни в одном СМИ. За одну ночь сбережения, пенсионные отчисления, зарплаты граждан обесце-

нились по отношению к курсу доллара США. Наша экономика привязана ко всем колебаниям курса иностранной валюты, поскольку Казахстан экспортирует ресурсы: нефть, газ, черные и цветные металлы, руды, зерновые культуры. Я и моя подруга были вдохновлены видео в YouTube, где пожилая женщина в одиночном пикете у Национального банка Республики Казахстан призывала: «Народ, сколько ты будешь молчать? Сколько ты будешь терпеть это унижение? Это ужасно! Вот этот весь беспредел благодаря нашему молчанию, нашему унижению!» Этой женщиной оказалась известная в Казахстане оппозиционерка, лидерка Рабочего движения Казахстана, кандидатка экономических наук Сахиб Галиевна Жанабаява (на фото, в центре). Ее слова отозвались в нас!

Нам было невероятно стыдно за то, что пожилая женщина призывала к действию, взывала к чему-то, что должно было и так быть разбужено в людях разного возраста. Видео побудило нас пойти на митинг против девальвации, но он не получился массовым: многие боялись за свою работу, личную безопасность, за родителей и детей. Именно этот митинг стал катализатором того, что накопело внутри за все время. Несмотря на мирный характер мероприятия, во время которого люди общались друг с другом, произносили речевки, пели гимн, все завершилось насильственным разгоном и арестом людей. Хватали всех подряд – и случайных прохожих, и митингующих, и журналистов. Для массового ареста были пригнаны три специальных автобуса, несколько отдельных машин, которые отвозили людей в РОВД (районные отделения внутренних дел). Нарушения прав человека можно было наблюдать с самого начала и до самого конца – с момента ареста до момента сопровождения в суд без предоставления адвоката и телефонного звонка. Пострадавшие подавали жалобы в Комитет ООН по правам человека, который вскоре сделал заключительные комментарии в адрес казахстанского правительства, не признавшего правовые нарушения.

Неоднократно я становилась свидетельницей отсутствия коммуникации с властью: журналистская пятнадцатилетняя практика позволяет мне заявить, что это «общение» в одни ворота или же получение таких официальных ответов, которые скорее являются выдержками из законов или иных документов. Власть не умеет разговаривать с людьми, не научилась и не хочет этого делать. Патриархатная идеология не подразумевает переговоров, принятия решений с учетом всех сторон, стремления к построению горизонтальных отношений. Реакция на протест или мирную акцию в таком случае – всегда аресты, насилие и грубость полицейских, административные штрафы.

После митинга в Алматы, куда я вышла как гражданка прежде всего, я поняла, что моя журналистская гражданская активность – это не полностью все, чем я могу заниматься, она не до конца отражала то, что у меня наболело внутри, не позволяла выговориться на темы, которые могли быть табу для СМИ. Дело в том, что долгое время я не говорила о себе открыто – о том, что я лесбиянка. Были неприятие себя, полунамеки, молчание в кругу семьи и коллег. Как жур-

налистка я писала о проблемах молодежи, экологов и даже собственников кооперативов квартир, освещала кинофестивали, делала различные репортажи, но никогда мне не приходилось заниматься вопросами и нуждами ЛГБТИК-людей. Они были вычеркнуты из общественной повестки, словно их нет и никогда не существовало. В момент же осознания своей сексуальности я не думала о феминизме. Были попытки объединить людей, создать безопасное пространство, но все это проходило в формате кухонных посиделок – разговоров обо всем за приготовлением еды.

Митинг в Алматы показал, насколько важно актуализировать свой гражданский протест, вводить его в политическое поле. Кого представляю я, когда выражаю свой протест? Кто я? Только ли журналистка? Эти вопросы сподвигли на размышление о том, что необходимо говорить о себе не только через призму профессии, образования, но и через призму сексуальной ориентации. Потому что это уже не только личное, но и политическое в том самом смысле, о котором писала феминистка, публицистка Кэрол Ханиш¹. Кроме того, после митинга появились комментарии в соцсетях о том, что я внешне похожа на парня, что моя прическа слишком коротка для женщины, что я вела себя с полицейскими слишком воинственно и резко. Получалось так, что добиться общественного одобрения за участие в митинге можно было только при условии, что моя сексуальная ориентация не вызывает сомнений или вопросов, что моя внешность не выходит за рамки конвенциональной женственности. По сути, мое участие в важном мероприятии обесценивалось, сводилось к нулю. Этот момент стал точкой невозврата – стало необходимым говорить публично от себя, от имени гомосексуальных и квир-женщин, которые не вписываются в патриархатную, гетеросексуальную матрицу.

Данное понимание пришло и после митинга, и после обучения в магистратуре в Европейском гуманитарном университете в Литве, куда поступила в 2015 г. Меня заинтересовала программа «Культурные исследования» с фокусом на гендерной проблематике. Именно она дала понять, насколько значимы теория и знание классических феминистских текстов. Личная позиция активистки, выступающей за женские права и права ЛГБТИК-людей, лишь усиливалась благодаря изучению квир-теории, теории феминизма, вопросов сексуальности, телесности. К сожалению, в Казахстане в настоящее время нет ни одного обучающего курса в университетах или летней школы, где была бы возможность получить эти знания. Исключением можно было назвать Первую летнюю школу по гендерным исследованиям для стран Центральной Азии, которая прошла в 2002 г. в Алматы. Она была профинансирована программой поддержки высшего образования Института открытого общества в Будапеште и цели школы были

¹ Carol Hanisch. The Personal Is Political. Available from: <http://www.carolhanisch.org/CHwritings/PIP.html>, 2 July, 2017.

другими. Как писала кандидатка философских наук, социологиня гендерных исследований Светлана Шакирова: «В целом, и это не секрет, ГИ (гендерные исследования. – Прим. авт.) у нас развивались как часть девелопментализма, проекта развития, с целью обеспечить правительство гендерной экспертизой для ежегодных отчетов ООН и другим международным организациям. С этой же целью в 2005 г. при поддержке ЮНЕСКО был открыт центр гендерного образования Казахского национального университета им. аль-Фараби»².

По возвращению в 2016 г. в Казахстан с дипломом ЕГУ мы вместе с подругой решили основать Казахстанскую феминистскую инициативу «Феминита»³, которая бы продвигала женскую и ЛГБТИК-повестку. Мы также хотели объединить академический и низовой активизм. Хотя казахстанские активистки из женских НПО проделали огромную работу по принятию закона «О профилактике бытового насилия», а также по созданию Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике, оказалось, что среди них остается табу говорить о лесбиянках, геях, бисексуал_ках, трансгендерах, интерсекс и квир. Ясно чувствовалась некоторая дистанцированность женских НПО к ЛГБТИК и феминистским инициативам, выступающим за права ЛГБТИК-людей, актуализирующих вопросы гомосексуальной, бисексуальной ориентации и трансгендерной идентичности, различные формы семей (не только нуклеарные). Что касается ЛГБТИК-организаций, то нужно упомянуть «Амулет». Организация поднимала вопросы, касающиеся СОГИ (сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности), и занималась адвокацией. К сожалению, «Амулет» существовал лишь до 2012 г. И здесь также важно упомянуть исследования Сергея Скакунова (общественный фонд «Адали») и Виталия Виноградова (Центр исследования глобального здоровья Центральной Азии Колумбийского университета), поднимающие вопросы профилактики ВИЧ, а также здоровья мужчин, имеющих сексуальные отношения с мужчинами.

Из личных разговоров с женщинами, представлявшими НПО, я понимала: многие не затрагивают такие вопросы, потому что государство не имеет четкой позиции по отношению к ЛГБТИК-сообществу в Казахстане. С этим можно поспорить. Согласно исследованию правозащитной организации «Артикль 19»⁴,

² Шакирова, С. Доклад на международной научно-практической конференции «Гендерные аспекты социальной модернизации общества», Алматы, КазГосЖенПУ, 18 мая 2012 года // Гендерные исследования как часть большого политического проекта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goo.gl/1BoKSX>.

³ Сайт Казахстанской феминистской инициативы «Феминита» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.feminita.org.

⁴ «Не провоцируйте, не создавайте проблем»: цензура и самоцензура в сообществе ЛГБТ в Казахстане», исследование правозащитной организации «Артикль 19», 2015 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.feminita.org/download.php?id=1&token=7AU Gd8HZKh0CigVQpu9Z4ODpNkX2ICdG>.

депутаты используют язык ненависти в своих высказываниях о ЛГБТИК-людях: «Если мы не предпримем никаких мер сегодня, мы не сможем остановить гомосексуализм. На сегодняшний день в Алматы насчитывается 20 гей-клубов, 4 в Астане. Это позор!!! Надо принять закон, который позволит считать их преступниками», – высказывался уже экс-депутат Мажилиса парламента⁵ Алдан Смайыл⁶. Другой высокопоставленный чиновник Владислав Косарев заявлял, что появление и видимость людей ЛГБТИК представляет собой неокOLONиальный план, разработанный для уменьшения населения Республики Казахстан. «Почему вы протаскиваете мысль о реальном существовании этих убогих взаимоотношений в нашем обществе? Гомосексуалистов не должно быть, надо признавать как деформацию человеческого сознания. Ведь это насаждение человеконенавистнических отношений, которые неокOLONиализм проталкивает во все страны, чтобы сократить численность населения», – заявил он журналисту⁷.

Эти высказывания свидетельствуют о дискриминационной позиции государства и общества по отношению к ЛГБТИК-людям в Казахстане. В таких условиях заниматься феминистским, ЛГБТИК-активизмом, возглавлять любое непрогосударственное политическое движение становится маргинализующей практикой. Среди казахстанских депутатов практически невозможно найти дружественную депутат_ку, котор_ая бы поддерживал_а вопросы, поднимаемые активист_ками. Достучаться до высшего эшелона власти можно лишь через адвокационные механизмы, к которым мы и прибегли в своей деятельности.

Двойная колонизация

Очень важно, что активист_ки Центральной Азии, куда входят Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Казахстан, имеют общий советский опыт, смыслы, концепты. Знаменательно, что организация ILGA (International Lesbian, Gay, Bisexual, Trans and Intersex Association) на конференции в Бангкоке в конце 2016 г. приняла решение о переносе организаций-членов из Центральной Азии, из азиатской части ILGA в европейскую. Этого добивались мы все – активист_ки, феминистки из Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, поскольку мы считаем свой опыт более близким к опыту стран бывшего Советского Союза. Это касается и калькирования российских законов. В Казахстане пытались принять закон, аналогичный Закону о запрете пропаганды гомосексу-

⁵ Нижняя палата парламента.

⁶ «В Казахстане предлагают преследовать геев и лесбиянок в уголовном порядке», 24 мая 2013 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/ex-ussr/2013/05/24/1132907.html>.

⁷ «Казахстанские геи жалуются на свою нелегкую жизнь», 13 марта 2013 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tengrinews.kz/show/kazahstanskije-gei-jaluyutsya-na-neprostryu-jizn-230029/>.

ализма среди несовершеннолетних Российской Федерации (Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей»⁸). Но, в отличие от России, в Казахстане он был признан неконституционным⁹.

Процесс колонизации проявляется на различных линиях неравенства и в поле неправительственных организаций. Они выполняют задачи, соотносящиеся с планом организаций-доноров, которые в большей или меньшей степени формируют повестку НПО на местах. Кроме того, это перенос и адаптация ценностей западного либерализма с его фокусом на правах человека, институтах развития (например, ЮСАИД – Агентство США по международному развитию, ООН – Организация Объединенных Наций, ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе). Это влияние заметно и на уровне государства, и на уровне НПО, и на уровне повседневной жизни. Феминистки, активистки гендерных НПО – осознанно или неосознанно – принимают инструменты западного феминизма и используют их в целях реколонизации личного и политического пространства.

Маргинализация активизма и поиск солидарности

Феминистский и ЛГБТИК-активизм в Казахстане сопряжен со многими барьерами, поскольку в обществе преобладают гендерные стереотипы, сложившиеся еще в эпоху Советского Союза: с одной стороны, у женщин Центральной Азии, как и у всех женщин Советского Союза, был доступ к образованию, с другой стороны, они оказались заложницами советского гендерного порядка «работающей матери», который ставил в приоритет материнство и гетеронормативную модель. К этому добавляется специфика региона, в котором, несмотря на декларируемую Конституцией Казахстана светскость государства, преобладает религиозный дискурс. Причем заявления мусульманских организаций (запрет суррогатного материнства, рекомендуемые Союзом мусульман Казахстана

⁸ Федеральный закон Российской Федерации от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей», 29 июня 2013 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70403756/paragraph/1:0>.

⁹ «Закон о защите детей от вредной информации признан в Казахстане неконституционным», 27 мая 2015 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/443895>.

способы и скорость занятия сексом¹⁰, предлагаемая полигамия, призывы отдельных имамов к возврату хиджабов для женщин¹¹) государственные институции никак не комментируют. Молчание чиновников в этом случае может расцениваться как игнорирование повестки некоторых религиозных институций и, казалось бы, непоощрение такой повестки в условиях светского государства. Но это также может означать и молчаливую поддержку, создание щепетильной ситуации, когда тишина создает повод для тревоги и различных интерпретаций. Для «Феминиты» такая амбивалентность означает вызовы и риски, потенциальное преследование близких людей на основании СОГИ и рост стигмы в отношении ЛГБТИК-людей, которые, по мнению представителей религиозных организаций, угрожают самому главному – институту семьи и морали.

Рост популярности ислама в политической жизни Казахстана возможно объяснить тем, что преобладающее количество населения страны после развала СССР заполняло идеологическую нишу возвратом к религии, в случае с Казахстаном – к исламу. Как пишет кандидат исторических наук, профессор Института мировой экономики и политики, президент Фонда мировой экономики и политики в Казахстане Султан Акимбеков: «Кто-то ограничивался тем, что строил мечети, это стало массовым явлением еще в 1990-е годы, другие повышали собственную религиозность, посещали Мекку, держали уразу»¹². Историк приводит в пример и приверженность исламу представителей политического истеблишмента: лидером коранитов был сын руководителя Администрации Президента Аслана Мусина. Также известен случай, когда кораниты читали лекцию в казахстанском Комитете национальной безопасности (аналог российской Федеральной службы безопасности).

В марте 2016 г. на площадке государственного Казахского государственного женского педагогического университета (КазЖенПУ) состоялся круглый стол с участием Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК), мечети «Толе би» на тему «Хочешь сохранить нацию – воспитывай девочек»¹³, где женщинам приписывались традиционные роли, граничащие с дискриминацией. Например, одна из спикеров Зейнеп Ахметова сообщила, что «предназначение женщины – материнство, а кроме того, каждая уважающая себя келин¹⁴ должна следить за

¹⁰ «Союз мусульман Казахстана: Сексом можно заниматься со скоростью не более 3 м/с», 27 января 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nur.kz/1389425-soyuz-musulman-kazahstana-seksom-mozh.html>

¹¹ «Сохраняя веру. Монологи священнослужителей Казахстана», 26 июня 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://informburo.kz/stati/sohranyaya-veru-monologi-svyashchennosluzhiteley-kazahstana.html>

¹² «Ислам в Казахстане: от согласия до запретов?», 28 декабря 2016 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.asiakz.com/islam-v-kazahstane-ot-soglasiya-do-zapretov>

¹³ «Укрощение строптивой», 23 марта 2016 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.time.kz/articles/tulegennaya-inzheneriya/2016/03/23/ukroshenie-stroptivoj>

¹⁴ «Келин» в переводе с казахского языка – молодые замужние девушки, невестки, снохи.

уютом в доме и почитать старших» [там же]. Кроме того, приглашенная исследовательница Айгумаль Исмакова отмечала, что женщинам сейчас «мало быть мусульманками, нужно углубленно изучать религию» [там же]. Также она поделилась идеей о том, что «если в мечетях будут служить заслуженные матери в специально отведенных комнатах, то было бы очень полезно для девушек, воспитателей будущего нации»¹⁵. Как соосновательница «Феминиты» я пыталась наладить связь с гендерным центром в КазЖенПУ, который является чуть ли не главным женским университетом в Алматы, но это удалось лишь на формальном уровне. Мне дали понять, что вузом не приветствуются темы сексуальности, телесности, однополых отношений. В таких очерченных границах найти точки соприкосновения представляется очень сложным.

Другой проблемой в квир-феминистском активизме в Казахстане является отсутствие солидарности и преемственности между инициативными группами и отдельными активист_ками. После истории с «Амулетом», существовавшим с 2009 по 2012 г., со стороны сообщества, на мой взгляд, было потеряно доверие к активизму. Мы знаем активист_ок и волонтер_ок, которые не получали зарплату от организации. Я и мои коллежанки не могли, таким образом, продолжить линию начатой политической борьбы. Такие истории и конкуренция между феминистскими НПО за ограниченные ресурсы создают сложные условия для эффективной деятельности новых феминистских инициатив в стране.

Чтобы не оставить за собой такую разорванную цепь, мы стараемся быть открытыми к любому партнерству и передаче опыта. За короткое время «Феминита» успешно кооперировалась и с трансгендерной инициативой, и с движением женщин «Немолчи.кз», выступающих против насилия, и с кризисными центрами, и с художницами из «Креольского центра». Что еще можно сделать для достижения солидарности? Активист_ки проводят крупные совместные проекты и активности, которые возможно реализовать сообща. Одним из таких проектов может стать шелтер для ЛГБТИК-людей на территории Казахстана.

Парадоксально, но активизм не высвобождает нас, активисток, а еще больше маргинализирует, создает больше внутренних сомнений, не всегда позволяет справиться со стигмой, оставляет наедине с самой собой и ставит больше вопросов, чем дает ответов. Помню, какое было разочарование у представитель_ниц групп оппозиционных инициатив, когда они узнали, что я выступаю за права женщин и ЛГБТИК-сообщества. Недавно гражданские активист_ки подняли в соцсетях вопрос о «ослаблении» к феминисткам: им показалось, что марш 8 марта, организованный с целью объединить женщин для возвращения дате ее исторического, радикального наполнения, прошел без арестов и это несправедливо по отношению ко всем митинговавшим в прошлом. Дильнар Ин-

¹⁵ «Ұлтынды сақтаймын десең, қызыңды тәрбиеле» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kazmkpu.kz/kz/media-ortaly-1/zha-aly-tar-2/4116-lty-dy-s-kt-jmyn-dese-kyzy-dy-tarbiele>

сенова комментировала в «Фейсбуке»: «Жанар, я уважаю Вашу позицию, но почему нам нельзя, а Вам можно, с чем это связано? Может, мне тоже феминисткой стать? Так как-то безопаснее получается феминисткой»¹⁶. Конечно, мы сами были удивлены, почему полиция была так «благосклонна», однако это высказывание Дильнар наглядно показывает, насколько отношение к феминисткам в казахстанском обществе несерьезно не только со стороны властей, но и со стороны гражданских, оппозиционных активист_ок.

Блогерка Айжан Хамит высказалась о том, что марш был постановочным: «В прошлый раз на митинг 21 мая люди даже не дошли до площади, их уже «упаковывали» на Абая, гнали толпу вниз по Наурызбай батыра. Хватали всех подряд, особенно тех, кто снимал на мобильники. Так что все эти постановочные митинги с участием бизнесменов или феминисток больше смахивают на попытки себя «обелить» перед проведением ЭКСПО. Мол, посмотрите, какой разгул демократии в стране. Не удивлюсь, если завтра проведут марш секс-меньшинств, чтобы наверняка», – делилась она в комментарии для «Эксклюзив.кз»¹⁷. Слова блогерки иллюстрируют отсутствие солидарности гражданского общества с феминистским, где последнее низводится до уровня мифов или постановочной акции – чего-то, что не может существовать.

По словам социолога, директора исследовательского центра «Даму» Тимура Айсаутова, феминистки сместили фокус не на те проблемы, поскольку проблемы равноправия в Казахстане намного отличаются от того, что транслируют западные феминистки. «Феминистический марш в Казахстане не отражает реальных существующих проблем. Он призывает не к тем улучшениям и изменениям. Этот марш вообще поднимает не те вопросы», – сообщил Айсаутов¹⁸. Эти комментарии показывают, что к феминисткам не относятся как к автономному социальному движению, у которого могут быть своя повестка, идеология, принципы. И феминистки действуют, проводят мероприятия согласно своему видению и задачам, не артикулируя сторонние интересы.

Любопытен комментарий, где феминисток сравнивали с активистками из «Femen» в Украине. Цитирую с сохранением грамматики автора: «Где наше руководство страны, где силовики? Остановите это пока не поздно!!!!!! На Украине всё тоже началось с этих обнажённых девиц, и докатились до майдана и гражданской войны» (ссылка на комментарий не доступна). Интересно, что сравнение с Майданом в Казахстане стало часто употребляемым в публичном дискурсе в отношении любых протестных проявлений. Не избежал этого и фе-

¹⁶ Личная страница в «Фейсбуке» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.facebook.com/zhanar.sekerbayeva>

¹⁷ «Что позволено феминисткам, то не позволено оппозиции? (видео)», 9 марта 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://exclusive.kz/chto_pozvoleno_feministkam

¹⁸ «Марш феминисток в Алматы поднял не те вопросы – ответ социолога», 10 марта 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goo.gl/zpTk02>

министский марш 8 марта, что парадоксально, учитывая нивелирование феминистской повестки в стране в целом. Даже на личном примере в РОВД, куда меня привезли после митинга против девальвации, помню до сих пор слова генерала в ярости: «Ты что, Майдана захотела?!» Майдан превратился в символ чего-то негативного, маргинального, несмотря на то что эта протестная акция была подержана многими казахстанцами.

Казахстанское феминистское движение повторяет историю российского феминистского движения с его разделением на интерсекциональный и радикальный, трансэкслюзивный феминизмы, перевариванием и адаптацией терминов «гендер» и «феминизм» (им придают негативные коннотации, принимают за ругательство) к пониманию того, что борьба за независимость женщин – это не только борьба за высокий статус. О различиях феминизмов в российской действительности пишет Елена Георгиевская¹⁹, которая прошла путь от TERF-активистки (trans-exclusionary radical feminism) до интерсекциональной феминистки. Во многом ее описание радфем очень схожи с тем, с чем приходится сталкиваться в казахстанской действительности. И пишу я это без всякого осуждения, поскольку понимаю, что не все имеют привилегии получить высшее образование, выучиться за рубежом, читать в оригинале классические тексты и пр. Таким же образом в Казахстане различные женские группы имеют разные приоритеты, доступ к разным организационным, символическим и финансовым ресурсам. Консервативные социально-политические условия, которые я описала, акцентируют эти разделения.

В этой статье я пытаюсь рассказать о становлении меня как феминистки и поднять актуальные проблемы квир-феминистского движения в Казахстане. Пока активист_ки похожи на разрозненные точки на карте, в разных сторонах и смещенных направлениях. Хотелось бы видеть сеть из соединяющих точки линий, которая показывала бы динамичность развития, стабильность, скоординированность действий. Я переживаю не только за «Феминиту» как соосновательница инициативы, но в целом за феминизм в моей стране, его вхождение в дискурс, адаптацию терминов и концептов на казахский язык, солидаризацию женских и квир-феминистских инициатив.

Наша задача – продолжение мониторинга, а также перевод и адаптация как можно большего количества материалов о феминизме и правах женщин на казахский язык. Такие вызовы показывают, что еще не сделано, но есть и то, чем мы можем гордиться. Казахстанская феминистская инициатива «Феминита» менее чем за год смогла добиться получения рекомендаций от Комитета ООН по правам человека по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности в стране. Комитет вынес их после рассмотрения альтернативного доклада

¹⁹ «Покидая транс-экслюзивный феминизм», 10 января 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tovaryshka.info/leaving-terf/>

«Феминиты» по выполнению Казахстаном своих обязательств по Международному пакту о гражданских и политических правах (МПГПП) в 2016 г.²⁰ Замечания международной организации усилили и актуализировали рекомендации о включении СОГИ в качестве запрещенных оснований для дискриминации и упрощении процедуры признания гендерной идентичности. Это было сделано впервые! До этого Казахстан еще не получал подобных рекомендаций.

Хотя опыт нашей феминистской инициативы пока ощущается единичным с точки зрения защиты прав ЛГБТИК-людей, в Казахстане есть положительные изменения. Казахские правозащитные неправительственные организации начинают работать с феминистками, защитницами прав ЛГБТИК-людей, пусть и не всегда лично им симпатизируя. На своем опыте приходилось сталкиваться с тем, что люди, имеющие юридическое образование и работающие во благо групп, которые подвергаются угнетению и давлению, не считают актуальным сейчас говорить о СОГИ. Тем не менее представительницы правозащитных организаций проявляют неподдельный интерес к данным исследованиям о ситуации ЛГБТИК в Казахстане, и это показывает их готовность к солидарности.

В Международный день борьбы против гомофобии и трансфобии «Феминита» презентовала 17 мая 2017 г. в Астане и 19 мая в Алматы отчет предварительных данных первого в своем роде исследования, посвященного оценке потребностей лесбиянок, бисексуалок, квир-женщин (ЛБК) в 16 городах Казахстана. Исследование²¹ позволило составить социологический портрет ЛБК-женщин в разрезе прав, потребностей здоровья, политической и гражданской активности. Правозащитницы, представительницы государственных организаций получили возможность узнать: женщины различных ориентаций существуют, у них есть специфические потребности, их права нарушаются и об этом нужно говорить.

Источники

Hanisch C. The Personal Is Political. Available from: <http://www.carolhanisch.org/CHwritings/PIP.html>, 2 July, 2017.

Шакирова С. Доклад на международной научно-практической конференции «Гендерные аспекты социальной модернизации общества», Алматы, КазГосЖенПУ, 18 мая 2012 года // Гендерные исследования как часть большого политического проекта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goo.gl/1BoKsX>

Сайт Казахской феминистской инициативы «Феминита». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.feminita.org

²⁰ С докладом на английском языке можно ознакомиться на сайте «Феминиты» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/Shared/Documents/KAZ/INT_CCPR_CSS_KAZ_24058_E.pdf

²¹ «Портрет в сумерках: Оценка потребностей ЛБК-женщин в Казахстане» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.steppeuca.info/single-post/portretvsumerkah>

- «Не провоцируйте, не создавайте проблем»: цензура и самоцензура в сообществе ЛГБТ в Казахстане», исследование правозащитной организации «Артикль 19», 2015 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.feminita.org/download.php?id=1&token=7AUGd8HZKh0CigVQpu9Z4ODpNkX2ICdG>
- «Не провоцируйте, не создавайте проблем»: цензура и самоцензура в сообществе ЛГБТ в Казахстане», исследование правозащитной организации «Артикль 19», 2015 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.feminita.org/download.php?id=1&token=7AUGd8HZKh0CigVQpu9Z4ODpNkX2ICdG>
- «В Казахстане предлагают преследовать геев и лесбиянок в уголовном порядке», 24 мая 2013 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/05/24/1132907.html>
- «Казахстанские геи жалуются на свою нелегкую жизнь», 13 марта 2013 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tengrinews.kz/show/kazahstanskije-gei-jaluyutsyana-neproستuyu-jizn-230029/>
- «Федеральный закон Российской Федерации от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей», 29 июня 2013 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/481391/#ixzz4lg8hFGAD>
- «Закон о защите детей от вредной информации признан в Казахстане неконституционным», 27 мая 2015 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/443895>
- «Союз мусульман Казахстана: Сексом можно заниматься со скоростью не более 3 м/с», 27 января 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nur.kz/1389425-soyuz-musulman-kazahstana-seksom-mozh.html>
- «Сохраняя веру. Монологи священнослужителей Казахстана», 26 июня 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://informburo.kz/stati/sohranyaya-veru-monologi-svyashchennosluzhiteley-kazahstana.html>
- «Ислам в Казахстане: от согласия до запретов?», 28 декабря 2016 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.asiakz.com/islam-v-kazahstane-ot-soglasiya-dozapretov>
- «Укрощение строптивой», 23 марта 2016 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.time.kz/articles/tulegennaya-inzheneriya/2016/03/23/ukroshenie-stroptivoj>
- «Ұлтыңды сактаймын десең, қызыңды тәрбиеле». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kazmkpu.kz/kz/media-ortaly-1/zha-aly-tar-2/4116-lty-dy-s-kt-jmyn-dese-kyzy-dy-tarbiele>
- Личная страница в «Фейсбуке». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.facebook.com/zhanar.sekerbayeva>
- «Что позволено феминисткам, то не позволено оппозиции? (видео)», 9 марта 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://exclusive.kz/chto_pozvoleno_feministkam
- «Марш феминисток в Алматы поднял не те вопросы – ответ социолога», 10 марта 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goo.gl/zpTk02>
- «Покидая транс-эксклюзивный феминизм», 10 января 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tovaryshka.info/leaving-terf/>

С докладом на английском языке можно ознакомиться на сайте «Феминиты». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/SharedDocuments/KAZ/INT_CCPR_CSS_KAZ_24058_E.pdf

«Портрет в сумерках: Оценка потребностей ЛБК-женщин в Казахстане». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.steppeuca.info/single-post/portretvsumerkah>